

Тампере, 1965

Чистое время

1

Теперь Альметову оставалось только ждать и стараться не думать о бесконечных часах, оставшихся до начала игры. Каким огромным представлялось ему это время. На льду двадцать минут кажутся вечностью, а тут ведь двадцать часов!

Во всех играх, предшествующих этой, команда утром обсуждала план предстоящей игры. Но матч с чехословацкой сборной особо ответственный. Может быть, поэтому тренеры первое обсуждение провели еще накануне. И не при закрытых дверях, как обычно, а на льду стадиона, в тренировке.

И вот теперь больше ничего не оставалось, как ждать. Двадцать часов чистого времени, и никаких замен. И все — Веня Александров, Костя Локтев и он, Альметов, — эти двадцать часов будут в игре. С этим ничего нельзя поделать. Надо ждать, когда истает этот толстенный пласт времени.

Тикают часы: тик-так. Не так, как в Швейцарии, но все-таки достаточно громко. Ох, как оглушительно громко стучали швейцарские хронометры в тот день седьмого марта.

Навсегда запомнил Альметов раннюю швейцарскую весну, бугристые вязы и солнце, дробящееся в голубых волнах Женевского озера. Тогда он тоже пытался забыть о предстоящем матче с чехословацкими хоккеистами. И теперь, спустя четыре года, он ждет встречи с таким же волнением, с каким ждал ее во времена своей юности.

Сын танкиста-подполковника, Саша Альметов жил на Писцовой улице, между двумя стадионами — «Пищевиком» и «Динамо». На первом он занимался сам, на второй ходил смотреть, как занимаются другие. Именно тогда появилось и стало в строй будущее нашей сборной. Только на одной Писцовой рядом с Альметовым жили Володя Юрзинов, впоследствии лидер команды «Динамо», Вениамин Александров и Николай Хлыстов, первым из них испробовавший свои силы на ледяном поле, чтобы через несколько лет вложить свои молодые силы в нашу победу в Кортина-д'Ампеццо.

Восьмилетний Саша Альметов был на стадионе в тот зимний день 1948 года, когда прославленные хоккеисты Чехословакии экзаменовали нашу молодую команду. А через шесть лет, когда сборная команда СССР впервые приняла участие в чемпионате мира, в третьей юношеской команде ЦСКА появился новый игрок — хмурый, будто чем-то недовольный паренек с Писцовой улицы. А может быть, он только казался хмурым, потому что, сам не замечая этого, то и дело надувал губы.

Он не случайно оказался в армейской команде. Саша Альметов был поклонником Всеволода Боброва и Евгения Бабича. И как он гордился успехами своих героев на стокгольмском чемпионате! Через два года, когда советские хоккеисты добились успеха в Кортина-д'Ампеццо, Альметов уже играл в юношеской команде, а вскоре стал играть и в команде мастеров. Его зачислили в том же году, когда ушел с поля Бобров.

Вениамин Александров и Константин Локтев помогали Альметову, как могли, но он все торопился, хотел показать свою силу, и шайбы, пущенные им, летели мимо цели. Это было трудное время: строгий, требовательный тренер, хорошо сыг-

равшиеся друг с другом хоккеисты — что ни спортсмен, то знаменитость. Как найти в таких условиях свое место новичку? Альметов все же нашел. К осени его включили в состав сборной. Теперь он поедет на чемпионат в Прагу, на родину знаменитых чехословацких хоккеистов. Но нет. В Прагу с Александровым и Локтевым вместо Альметова поехал Юрий Пантюхов...

2

Боевое крещение Альметова состоялось лишь зимой 1960 года на Белой олимпиаде. Там, в горах Сьерра-Невады, сошлись навсегда Альметов, Локтев и Александров. И надо же случиться такому! Первый матч сборная СССР проводила с чехословацкими хоккеистами. Вот они, рядом с Альметовым, а он так растерялся, что не смог забить в той встрече ни одной шайбы. Александров забросил две, Локтев три, он ни одной. И хоть выиграла его команда, но он тут ни при чем.

На следующий год в Женеве матч с чехословацкой сборной прошел еще хуже: ни одной шайбы не забила их тройка, а команда проиграла. И в сезоне 1962 года из четырех товарищеских встреч с чехословацкой сборной лишь одна закончилась победой. Потом был Стокгольм, и первую шайбу чехословакам забросил Александр Альметов.

Из года в год тройка Альметова на первенствах страны вела ожесточенный спор с тройкой Вячеслава Старшинова, но на две мартовские недели не было лучших друзей и в игре и вне игры. На две недели армейские и спартаковские нападающие, забыв все свои раздоры и счета, превращались в соратников. И разве в Инсбруке не стало ясно, что именно эти две тройки являются душой сборной, что пока они вместе, им никакие соперники не страшны?

И все же новая встреча с чехословацкой командой в Тампере не могла не волновать Альметова и его товарищей.

Всё говорило о том, что игра будет трудной, может быть, самой трудной. Осенью после встречи со сборной СССР в

Москве тренеры чехословацкой команды решительно заменили ветеранов. В состав сборной вошло сразу семь новых игроков, которые были уже проверены на играх в США.

При первом знакомстве чехословацкая молодежь — Недоманский, братья Холики, Сухи, Чапла — не показала Альметову очень сильной, хотя встречи двух команд в турнире и закончились вничью — 1:1. Не думал он, что к Тампере сумеют новобранцы окрепнуть. Но они окрепли.

Немногие ветераны сохранились в чехословацкой команде с того февральского вечера, когда Альметов увидел их всех в Скво-Вэлли. Но те, кто остались, не уступят молодым. И можно легко представить себе, как сейчас и ветераны, и новые игроки мечтают о победе, как рвутся к ней.

Тихо в коттедже. Уютная финская зима подобралась к самым окнам, уткнулась пушистой мордой в протертые до блеска стекла. В комнате три кровати — тройки живут вместе. За стеной спартаковцы — Слава Старшинов и Боря Майоров. Но с ними новый жилец — Анатолий Ионов. Сколько волнений доставили им всем перемены в этой тройке! Никто не понимал, как можно в канун решающих испытаний разорвать такую испытанную связку, как спартаковская. И сейчас, когда уже пять игр позади, тревога все же не исчезла.

Тикают часы на столе около кровати, спят Александров и Локтев? Или делают вид, что спят?

...Чехословацкие хоккеисты не пришли смотреть их сегодняшнюю, последнюю перед матчем тренировку. Но канадцы явились. И даже шведы, хотя им-то уж совсем это ни к чему после проигрыша. На глазах всего Тампере проверялась тактика завтрашней игры. А что придумали чехословацкие тренеры? Что они готовят? В Инсбруке чехословацкие спортсмены с первой же минуты были ослеплены бешеным темпом наших атак. Так они сами играли в Женеве. Наверное, они считали тогда, что быстрее нельзя. Оказывается, можно. И в Тампере они, наверное, готовятся к еще более высокому темпу. Не знают они, что ждет их в Тампере. А может быть, знают?

Александр Альметов уже после того, как все закончилось, промелькнуло перед нашими глазами, помог мне увидеть этот матч заново, сквозь тишину ночных раздумий, и я решился воспроизвести ход его мыслей, хотя отлично понимаю, как не вяжутся эти неторопливые размышления с хоккеем, с взрывчатой его стремительностью.

Не заметили ли вы, что люди, показывающие на поле чудеса стремительности, в обычной жизни удивительно неторопливы в своих движениях? А теперь представьте себе, что советским хоккеистам, для которых скорость всегда была главным козырем еще с тех лет, когда их предшественники по сборной добились своей первой победы на чемпионате мира, было предложено провести матч с чехословаками в замедленном темпе. Что, трудно это представить? Но было именно так!

Однако дадим слово Александру Альметову:

«Когда я пришел в коттедж, где жила наша сборная, обсуждение уже началось и из-за закрытой двери доносились голоса, звучавшие неторопливо, даже как-то флегматично.

Выступал Тарасов:

— Все ждут от нас вихревого штурма, с первой же секунды, — говорил он. — Все уверены, что мы поведем игру в нашем традиционном темпе. Мы же будем играть медленно. Хоккей весь на риске. А нам рисковать нельзя. Не имеем мы права рисковать в этом матче. Не имеем права ошибаться. Надо также учесть, что у наших соперников большое психологическое преимущество. Они могут выиграть первенство мира и отлично знают, как трудно будет выиграть его нам в третий раз. И еще они знают, какое впечатление на всех произвел тот разгром, который они учинили канадцам.

Недолго продолжалась эта беседа о плане игры, видимо, продуманной еще до приезда в Тампере, и неохотно расходились хоккеисты с этого собрания, как будто разумные мысли, которыми они обменивались, могли спасти их от невыносимого напряжения перед предстоящим матчем.

Хорошо тренированные спортсмены никогда не боятся физических усилий, усталости и всегда с тревогой думают о том, сумеют ли выдержать огромную нервную нагрузку. Команда выдержала эту нагрузку в борьбе со шведами, добилась победы, и все же нервное напряжение сказалось на ходе игры. В ней много было накладок, и особенные претензии были у Тарасова к Альметову и его товарищам, хотя армейская тройка и забила две шайбы. Но разве можно сравнить игру со шведами с той игрой, которая предстоит им теперь? В такие минуты совесть не позволяет журналисту заговорить со спортсменами.

Уже потом Альметов рассказывал мне, какое глубокое напряжение охватило в те часы всю команду, а мимо меня неторопливо, беспечно проходили хоккеисты, направляясь в свои комнаты. Какими они казались легонькими, худенькими без громоздких доспехов. Только защитники, словно с утра уже натянули свои фетровые нагрудники и наплечники — осанистые, тяжелые ребята. И Рагулин, и Иванов, и Кузькин, и Брежнев, и Давыдов уже не раз испытали ярость чехословацких атак. Ну что ж, может быть, и в Тампере они сумеют их отразить.

— Выиграете? Верите? — хотелось мне спросить всех их. Но разве может кто-нибудь ответить на эти два простых вопроса перед началом борьбы?

Однако вернемся к Альметову. Вот его мысли в утро решающей встречи:

— До матча оставалось еще часа четыре (не хоккейного, а обычного времени), все уже было сказано, все продумано, и хотелось лишь одного — поскорее на лед. И вот мы снова втроем в своей комнате. Втроем? Нет. В такие минуты ясно представляешь себе, как сотни тысяч людей ждут этого матча и здесь, в Тампере, и там, на Родине, как поглядывают они на часы, как ведут счет каждой минуте. Костя Локтев и мой друг детства Веня Александров давно уже стали частью меня самого, так же как и я, наверное, стал частью их. У Кости круглое лицо, добрые глаза, мягкая улыбка и неизменно аккуратный пробор. Может быть, он и шлема не надевает, чтобы не портить прически? Как Костя умудряется сохранять всю игру этот про-

бор в первозданной прямизне и никогда при этом не получать повреждений? А Александров рано лысеет, и вообще пробор ему не по его вкусу. Цену он себе знает и цену хоккейной игре тоже. Зря в горячую кашу не полезет и своего не отдаст. Ну, а про меня говорят — серьезный мужчина. Говорят, будто влюблен в быстроту. А в самом деле, какой я? Спросить ребят? Нет, пусть уж лучше подремлют. Нам предстоит тяжелая задача — прожить час по хоккейному времени. Как это много и как мало!

Все эти дни мы глаз не сводили с Голонки, Иржика и Шевчика. И защитники их тройки самые лучшие — капитан команды Тикал и Потш, который нам запомнился еще по Скво-Вэлли.

Во всех играх чехословацкой сборной, с кем бы она ни вела борьбу, мы видели себя тоже на льду, подставляли грудь под летящие шайбы, выманивали Дзуриллу из ворот. Так входили в роль, что после матча тело болело, будто и в самом деле час провели на льду.

Отличный вратарь на этот раз у чехословацкой сборной. Я помню, когда он сидел еще в запасе. Наши ворота защищает Коноваленко. Бесстрашный парень. Но здесь, в Тампере, в первом же матче с финнами не нашел себя. И теперь на его счету одиннадцать пропущенных шайб. Это много. Недаром на одной из пресс-конференций нашим тренерам задали вопрос — не думают ли они поставить на игру с чехословаками Зингера. Тарасов тогда хорошо ответил, что команда верит Коноваленко и что важно считать забитые, а не пропущенные шайбы. Это правильно. И это значит, что надо думать не о том, как будет отбивать шайбы Виктор Коноваленко, а о том, как мы будем забивать шайбы Дзурилле.

Перед отъездом на стадион, укладывая свое снаряжение, я думал о Владо Дзурилле. И на разминке, когда шайбы пунктиром испятнали отшлифованный лед, все поглядывали на Дзуриллу. Как пить дать будет лучшим вратарем чемпионата! А когда команды начали игру, оказалось, что в воротах стоит Надрхал...

Что это значит? Почему чехословацкие тренеры отказались от вратаря, который всех восхищает своим мастерством? Уже потом мы поняли, в чем причина такой неожиданной замены. В этом виновата наша тройка. Дзурилла в Инсбруке в самые первые минуты матча пропустил одну за другой четыре шайбы, и три из них забили мы. Тогда его заменил Надрхал. Вот тренеры, видимо, и считают, что Дзурилла и теперь будет стоять неуверенно.

Надрхал в воротах оказался не единственной неожиданностью этого матча. С другой мы столкнулись сразу же после судейского свистка, когда двинулась в свой путь стрелка стадионного хронометра. Осуществляя намеченный план, мы начали матч в спокойной, неторопливой манере и вдруг увидели, что и чехословацкие хоккеисты не торопятся. Куда девались их темп, знакомая азартность и быстрота движений? С каких это пор чехословацкая сборная играет на средних скоростях?..

Интересно, как выглядит такое начало со стороны, неторопливое кружение вместо бешеной карусели? И, судя по всему, столь неожиданное начало матча ошарашило весь стадион. Тишина простерлась над полем такая, будто на трибунах нет никого.

...Да, Альметов был прав. Эта игра выглядела столь необычно, что корреспонденты, пытаясь описать ее, сравнивали хоккейный матч с шахматной партией. Не хватало, мол, только демонстрационных досок, на которых бы мальчики в очках обозначали каждый новый ход двух партнеров. А один изобретательный журналист, пытаясь выразить свои впечатления, утверждал, что все ждали исполнения темпераментного чардаша, а увидели томный полонез.

Словом, в красочных сравнениях недостатка не было. Но нас ведь интересует не внешняя картина событий, а хоккей изнутри. Так давайте же посмотрим на него глазами Александра Альметова.

Шайба у нас. Пас Александрову на правый край. Но Голонка на месте. Шайба у Шевчика. Локтев вплотную. Шевчик передал Иржику. Атакуют. Ничего... Рагулин и Иванов на местах. Пора разобрать подопечных. Не дать им дышать. Хотите атаковать? Эту возможность мы готовы предоставить лишь вашим защитникам. Пусть поработают. А нападающим шайбы не видать. Будем держать их вплотную. Но опеке время — атаке час! Как всегда, атаку начинаю я. И Локтев. Александров будет завершать. Но все это не торопясь. Ошибок быть не может. Действовать наверняка. Нападающим шайбу не давать. Пусть защитники поработают за них и за себя.

Старшинов на поле. Значит, замена. Ну, что же, отдохнем. Отдохнимся. Посмотрим, что получается.

Чехи сбиты с темпа. Но что это? Они обостряют? Сбит Старшинов! Александров шепчет: «Держи себя. Помни, сейчас все решается. Не отвечай. Держи себя». Кого он убеждает? Себя? Старшинова? С другой стороны Локтев твердит: «У кого раньше начнет получаться, тот и победит».

У Иванова игра не ладится. Дорого обошлась ему стычка с Клапачем. Браун поднимает руку. Оба на скамье штрафников... Значит, за борт! К двум защитникам подключается наша армейская двойка. Как тихо на трибунах. Да и на льду тишина. Даже удары шайбы о борт звучат как-то приглушенно. И время ползет медленно.

Брежнева усадили на две минуты за захват, а Иванов еще не вышел. Теперь наших трое против четырех. Трудно! Не хватает дыхания. Как преградить дорогу чехословацким нападающим? Кузькин и Давыдов ложатся под шайбы. С такими защитниками можно продержаться. Ну, наконец-то! Иванов выскакивает на лед. Давайте подмогу! Скорей! Но Чернышев не теряет и мгновения — Александров рядом. Еще минуту продержаться... Все, теперь можно уступить место Фирсову, Якушеву, Волкову.

Снова рядом на скамье. Кто-то заботливо вытирает мне лицо. Сочувственно улыбается Боря Майоров. Тяжело дышит рядом Александров.

А что на поле? По-прежнему тихо. Чей там ход? Черных или белых? Не пахнет ли эта партия ничьей, солидной гроссмейстерской ничьей? Четыре минуты игры — и ни одного гола. Нет, тут дело в другом. Просто Фирсов, Якушев и Волков хорошо отсеки братьев Холиков от шайбы. Молодцы ребята!

Старшиновская тройка выходит навстречу Черны, Недоманскому и Прылу. Сейчас что-то будет! Шайба у Старшинова. Бросок... Зажглась, зажглась долгожданная красная лампочка! Сколько на секундомере? Шесть минут пятьдесят пять секунд чистого времени.

Сквозь знакомые крики «Мо-лод-цы!» — доносится спокойный голос Чернышева: «Замена».

«Замена» — одно лишь слово. Но в нем сейчас многое. «Берегитесь! Они сейчас закрутят карусель. Приготовьтесь!» — Вот что в одном коротком слове «замена». А Тарасов просто поднимает над головой свои руки, словно благословляет на бой.

Так и есть! Хруст клюшечных крюков, пулеметный треск шайб. Лишь бы успеть разобрать подопечных. Шайба у Иржика. Неужели прорвется? Где Иванов? Где Рагулин? На местах! Как угадать, кому паснет Иржик? Голонке? Шевчику? А может быть, кому-нибудь из защитников? Но шайба по-прежнему у него. Иржик движется вперед, как машина, шлифующая лед, и снежная пыль веером летит из-под коньков. Прорвался! Держись, Виктор! Коноваленко забит в ворота... а шайба — нет.

Новый натиск. Но его уже отражает тройка Фирсова. Никак не отдышаться. Очень опасный момент. Молодец, Кузькин! Чехи снова вчетвером. Ну, значит, наше время...

Чехословацкая защита замотана. Теперь легче пробиваться к воротам. Шайба липнет к клюшке. Пас разыгрываем, как на тренировке. Бьет Локтев. Надрхал на месте. Пробую сам. Надрхал на месте. Бьет Александров. Выше ворот. Выше непробиваемых прозрачных ограждений, и шайба навсегда исчезает в пучине трибун.

Что ж, пусть теперь поработают якушевцы. Не дал отдохнуть судья. Волков и Чапла на скамье штрафников. И сразу за ними Клапач. Значит, надо на лед. Играем вчетвером против троих. Но Надрхал непробиваем. Усталость берет свое. Играют старшиновцы. А соперники что? Неузнаваемы! Неужели развязка близка?

— Давай еще потерзаем защитников, — предлагает Костя Локтев. И тут же бьет Кузькин. В едва уловимый просвет между вратарем и защитником. Гол! Второй гол!

Но почему в воротах другой вратарь? Это Дзурилла! Неужели заменили? Как в Инсбруке. Вот еще одна неожиданность. Не часто меняют вратарей во время матча. Коноваленко стоит отлично, а Надрхал снят с игры.

Идут атаки чехословацкой сборной. Но план выполняется, бьют чаще защитники, чем нападающие. Бьют издали. Значит, отчаялись прорваться к воротам. Теперь Фирсов покидает поле. Снова пора в игру. Сколько остается до конца периода? Пять минут двадцать четыре секунды. Целая вечность! Яростные броски Черны и Недоманского. А Коноваленко стоит. Смена составов. Вперед, старшиновцы! Против вас выходят братья Холики и уже трижды побывавший на скамье Клапач. С ними шутки плохи, с молодыми нападающими. А тут еще Брежнев садится на штрафную скамью. Две минуты до конца периода. Ну и стараются Рагулин и Иванов! Как перехватывают шайбу! Но с Голонкой долго не протянешь в численном меньшинстве, напор нарастает. Прижимать шайбу к борту, почаще прижимать. Болит все тело от ударов о борта. Теперь недолго... Сейчас сирена. Мы начали период, мы его и закончим.

Блаженный отдых врасяжку, неторопливые советы тренеров. Они все повторяют одно и то же, как Александров в минуты пауз: «Не давайте шайбы нападающим. Не грубите. Не рискуйте...»

Весь второй период был точно разыгран по этому рецепту. Случайностей не было. Всего одно удаление, и то не нашего игрока: Недоманский в начале игры отсидел свои две минуты. Это период Дзуриллы. Ни одного раза не удалось обыграть его.

Зато и тройка Голонки выключена из игры. Это не так-то просто и со стороны, наверное, неинтересно: никто не играет. Ну что же, пусть эти двадцать минут не понравились зрителям. Позиционные партии даже известных шахматных гроссмейстеров кажутся скучноватыми...

«И все же второй период наш...» Кто это сказал, когда мы вернулись в раздевалку? Может быть, никто. «Нужна еще одна шайба», — и эти слова, кажется, никто не произнес вслух, они витали в воздухе...

Нужна еще одна шайба. Вот шайба! На исходе четвертой минуты третьего периода, когда Фирсов сидел на скамье штрафников, капитан чехословацкой сборной Тикал...

Мы все бросились под шайбу Тикала, но она просвистела у плеча Александрова, у щеки Рагулина, под рукой Иванова. Счет 2:1. Разрыв всего в одну шайбу. Значит, у чехов реальная возможность отыграться. Да, это так. Но Тарасов шепчет: «Ребята, ничего не случилось. Мы ведем». Тарасов, всегда такой резкий и требовательный на тренировках, во время игры мягкий, ласковый. Как он успевает все увидеть, все заметить, все запомнить. Но 2:1 — опасный счет! Сейчас игра пойдет в женевском стиле... Так и есть. Ну и головоломка! Попробуй не ошибись! И вот результат: на скамье штрафников Волков. Ужасная пытка меньшинством. Ложатся под шайбы ребята, и не движется стрелка хронометра.

Главное — продержаться до перемены ворот. Надо убедить себя в этом. Десять минут, как вечность. Все еще может случиться.

Все труднее восстанавливать дыхание, все труднее чувствовать себя вне игры. Все короче минуты отдыха, все длиннее минуты игры. Ничего, ничего, ребята, важно держать себя! Кого успокаивает Локтев? Самого себя? Нас — своих партнеров? Или спартаковцев? Когда они на поле, легче дышится на скамье запасных. А Толя Ионов каков!

И вдруг словно ослепительная вспышка. Шайба в рукавице Коноваленко. И снова! Это Черны и Недоманский. Как внезапно они прорвались. А броска Старшинова кто-нибудь

ждал? Таков уж хоккей! Старшиновцы не раз заставляли трепетать Дзуриллу. Сейчас попробуем мы, каков Дзурилла на финише. Это, может быть, наш последний выход. Нужна еще одна шайба.

Одна минута до финиша, но стрелка снова замерла на месте. Последние замены. Играет тройка Якушева.

Но что это? Почему опустели чехословацкие ворота? Куда же девался Дзурилла? Вместо него на поле шестой полевой игрок. Выпускают Недоманского! Вот на что решились тренеры! Играют ва-банк. Хотят использовать численный перевес при вбрасывании у наших ворот.

На поле шесть лучших чехословацких бойцов. Голонка, Шевчик, Иржик, Недоманский, Тикал, Потш. Удержать! Уследить! Удар шайбы о борт. Она прикрыта клюшками, коньками, коленями. Куда отскочит? Вот она, на клюшке Фирсова! Пас Волкову! Отбойный удар! И Волков отправил шайбу в сторону открытых чехословацких ворот...

Медленно скользит она через все поле. Глаза всех обращены к ней — игроков на льду, запасных на скамьях, тренеров, зрителей, судей, телеоператоров. И полнейшая тишина, как в самом начале матча...

И вот еще одна, последняя, неожиданность. Гол!

...Третья шайба оказалась в чехословацких воротах в тот момент, когда секундомер показывал 19 минут 9 секунд третьего периода. До конца игры оставалась 51 секунда чистого времени. И эти секунды, конечно, ничего не могли изменить. Может быть, поэтому о них мне Альметов ничего не стал рассказывать, а для меня последние полминуты матча промелькнули в каком-то тумане. Уж слишком велико было напряжение, испытанное, видимо, не только спортсменами, но и зрителями. В конце концов, хоккеисты меняются каждые полминуты, а то и чаще, мы же смотрим игру без замен. Так или иначе, но когда я встретился с Александром Альметовым уже в Москве, во Дворце спорта на Ленинградском проспекте, мне захотелось расспросить его об этих последних секундах.

Альметов сидел на скамейке у хоккейного поля, усталый, потный, и, совсем как в Темпере во время схваток с чехословацкими хоккеистами, не сводил глаз со льда. А рядом с ним, как и обычно, сидели Вениамин Александров и Костя Локтев. Тренировка шла по-настоящему, это сразу было заметно и по Александрову и по Альметову, но я все же решил вернуть его в Тампере... хотя бы на пятьдесят секунд.

— О чем вы думали в те последние полминуты? — спросил я Альметова. — Или хотя бы после того, как прозвучала финальная сирена?

— О чем думал? — переспросил Альметов. — Точно не помню, но кажется мне... — и тут же, не закончив фразы, мгновенно вместе с товарищами перемахнул через борт и включился в игру.

Скамья опустела. Вон они уже там, в гуще схватки, Альметов, Александров и Локтев. «Саша, организуй атаку!» — кричит ему Тарасов. А я смотрю на атакующего Альметова и вспоминаю, что в игре с чехословаками армейской тройке так и не удалось забить ни одной шайбы. И тут же возражаю себе. Как же так не удалось? Пусть забитые голы принадлежат Старшинову, Кузькину, Волкову, но разве не подготовили их вдохновенные атаки альметовцев? Нет, не случайно всегда подчеркивают тренеры коллективный стиль в игре сборной. В команде все поровну — и успехи, и неудачи.

— Александров, брось кружева плести! — кричит Тарасов, и тут же шайба врывается в сетку ворот.

— Толмачев, давай шайбы! — требует Альметов, и вратарь выгребает из глубины ворот восемь черных кружочков. Да у него там, оказывается, кладовая!

И снова идут атаки, азартные, стремительные, совсем как в настоящей игре, только стрелка стадионного секундомера замерла на цифре 12. Но время нельзя остановить. Оно бьется в кулаке тренера. Хоккей не может существовать вне времени. А поблизости от меня Фирсов раз за разом со скамьи запасных бросается за борт и тут же возвращается обратно. Стартовый бросок, оказывается, шлифуется, как броски по воротам. И

вдруг в одно мгновение рядом со мной оказываются Альметов, Локтев и Александров. И Альметов в такт прерывистому дыханию, как ни в чем не бывало, продолжает оборванную на половине фразу:

— О будущем... О новых встречах в Любляне... В шестьдесят шестом году...

* * *

По-хоккейному молниеносно проносятся годы. Давно уже отбушевал Люблянский чемпионат, а мы до сих пор помним блестящую игру Константина Локтева и его товарищей по тройке. Именно там, в Югославии, где Локтев был признан лучшим центровым мира, в последний раз выступало его звено в полном составе. В Вену Локтев уже не поехал, в Гренобле мы не встретили Альметова, а в Стокгольме не оказалось и Александра. Так от нашей лучшей тройки к 1969 году не осталось никого... Но так ли это? А разве молодое армейское звено, сформированное до отъезда сборной в Швецию и так великолепно проявившее себя в небывало трудных условиях на мировом чемпионате, не напомнило нам тех, с кем мы простились, казалось бы, навсегда? Разве Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов не похожи по своей бойцовой стати, по хоккейному почерку на Александра Альметова, Константина Локтева и Вениамина Александрова?

Сколько раз нам казалось в Стокгольме, что мы видим на льду помолодевших локтевцев! Но мистики здесь нет никакой. Просто молодая тройка выпестована в той же команде, где росли их предшественники. Просто тот же Михайлов успел еще сыграть в одной тройке с Александровым и учился у Фирсова. Вот он и оказался рядом с Фирсовым в Стокгольме, как самый результативный нападающий, Петров успел усвоить многие секреты Локтева, а для Харламова Альметов и сегодня эталон мастерства.

Безостановочно течет время, одно хоккейное поколение сменяет другое, а сборная наша все та же — сильнейшая в мире.

